

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

УДК 281.93(09)(P473.5)

DOI: 10.24411/2309-5164-2020-10103

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин),
кандидат богословия,
заведующий кафедрой Богословских дисциплин КоДС*

ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ В 1917 ГОДУ: КОНФЛИКТ ВОКРУГ КИНЕШЕМСКОГО ВИКАРИАТСТВА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

В статье рассматриваются события марта – сентября 1917 года, связанные с событиями февральского переворота и их влиянием на церковно-приходскую жизнь в Костромской губернии. Описываются действия представителей духовенства и мирян Кинешемского викариатства Костромской епархии, в кампании по устранению от кафедры викария Костромской епархии епископа Севастиана.

В первой части настоящей статьи рассматривается история конфликта вокруг Кинешемского викариатства Костромской епархии в период марта – апреля 1917 года.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Костромская епархия, Галичская епархия, Кинешемское викариатство, Февральская революция, Всероссийское Учредительное собрание, Священный Синод, Игрицкий монастырь, Макариево-Унженский монастырь, православное духовенство, революционные комитеты, епархиальная печать.
Цитирование: Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Из истории Костромской епархии в 1917 году: конфликт вокруг Кинешемского викариатства. Часть первая // *Ипатьевский вестник*. – 2020. – №1. – С. 31–42.

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин)*

В работах, затрагивающих тему «церковной революции» 1917 года, Костромская епархия обыч-

но не упоминается. Это вполне объяснимо: в ней не было громких отставок или выборов епископов, рядовое духовенство не особенно стремилось к власти, светские руководители губернии воздерживались от вмешательства в церковные дела. Однако и здесь, в относительно тихом регионе, все же имели место нестроения, причинившие немало беспокойства церковному священноначалию: в марте 1917 года революционные власти города Кинешмы потребовали удаления с Кинешемской кафедры викарного епископа Севастиана (Вести; 1870–1929 или, по другим сведениям, 1934). Этот конфликт, урегулирование которого затянулось до осени 1917 года, не отражался в церковной печати и до настоящего времени не описывался в исследованиях по истории Русской Православной Церкви (за исключением работы Е. Потехиной «Епископы Кинешемские. Викарии Костромские. Уроки истории», где были опубликованы относящиеся к разрешению конфликта протоколы собраний духовенства и мирян города Кинешмы 21 и 25 июня 1917 года [1, с. 125–133]¹). И все же сохранившиеся архивные документы позволяют восстановить ход событий.

Кинешемское викариатство Костромской епархии было учреждено в 1866 году. Викарный епископ – помогавший правящему архиерею в решении различных вопросов, преимущественно канцелярско-бюрократического характера (круг этих вопросов определялся нормативно – см., например, [2]), имел титул «Кинешемский», но постоянно проживал в костромском Свято-Троицком Ипатьевском мужском монастыре, одновременно являясь настоятелем Богородицкого Игрицкого мужского монастыря под Костромой. Как правило, викарии редко появлялись в Кинешме и не имели отношения к местным церковным делам. Изменить такую ситуацию попытался епископ Никандр (Феноменов, впоследствии митрополит; 1872–1933), занимавший Кинешемскую кафедру в 1905–1907 годах. Он посещал храмы города и уезда – попросту, без сопровождающих лиц, что весьма нравилось духовенству [3, с. 671], совершал богослужения, осуществлял и административное руководство (например, утверждал журналы съезда духовенства Кинешемского училищного округа [4]), но «очень скоро прекратил свои поездки вследствие разногласия с настоятелем кинешемского собора. Остальные викарные епископы ездили [в Кинешму – М. Ф.] не более одного или двух раз за все время своей службы в Костроме» [5, л. 11 об.]. 8 сентября 1914 года в Петрограде состоялась хиротония бывшего ректора Донской духовной семинарии архимандрита Севастиана во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. Прибыв в конце того же месяца в Кострому, владыка Севастиан уже с декабря 1914 года стал регулярно посещать Кинешму. Впоследствии он сам докладывал обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову: *«Побуждением к поездкам в Кинешму послужило для меня то обстоятельство, что в костромском Ипатьевском монастыре, где я постоянно живу, очень мало братии. Поэтому затруднительно бывает викарному архиерею служить. В кинешемском соборе больше удобства для архиерейского служения: причт*

¹ Для облегчения восприятия, ссылки на архивные материалы приводятся в тексте статьи в квадратных скобках.

соборный состоит из трех священников, двух штатных диаконов и трех псаломщиков; староста соборный содержит на свои средства приличный хор. Кинешемцы очень рады были моим посещениям. Кинешемский купец И. Г. Тихомиров предложил мне останавливаться в его доме. Ездил я в Кинешму к великим праздникам, а в последнее время, по случаю постигшей меня болезни зубов и десен, стал ездить чаще. В Кинешме проживает очень искусный зубной врач Абрамовский, и я у него стал лечиться» [5, л. 10 об.].

Следует отметить, что никакой материальной заинтересованности в таких поездках у епископа Севастиана не было. На собрании духовенства и мирян города Кинешмы 25 июня 1917 года И. М. Назаров (избиравшийся депутатом епархиального съезда от местного благочиннического округа) говорил: «Владыка Севастиан за проезд всегда платил сам, (...) и даже в одно время отказался от бесплатной езды на извозчике, нанятом протоиереем, и чрез псаломщика возвратил последнему уплаченные им деньги. Для служения с собой он не брал из Костромы свиты и его многократное служение в соборе не оплачивалось старостой, квартировал же он и столовался в частном доме за счет И. Г. Тихомирова, и наконец, не требовал от старосты полного и торжественного освящения храма при архиерейском служении» [6, л. 8]. В то же время епископ Севастиан не оставлял без внимания те недостатки в церковной жизни Кинешмы, с которыми ему приходилось сталкиваться – а в силу своего горячего характера зачастую не скрывал эмоций. На том же собрании 25 июня 1917 года заместитель кинешемского городского головы И. В. Барашков отмечал, что владыка «говорил иногда резкое и неприятное иным батюшкам: так, одному из них, (...) получающему большой оклад жалованья в училище, заметил, что он не должен брать по 2 рубля за молебны в училище. Что касается нас, мирян, то скажу, что он был обходителен, вежлив и доступен (...). Я знаю, что благодаря его посредству и присутствию здесь, в Кинешме, быстро разрешились острые конфликты между старостами церковными и причтами» [6, л. 11]. А И. М. Назаров добавлял к портрету кинешемского викария такие черты: «Владыка Севастиан сам глубоко осознает некоторую черствость своего характера и с горечью объясняет такой недостаток первоначальным воспитанием; он искренне извиняется за прошедшее, но в то же время заявляет, что кипел своей ревностью для блага Кинешмы» [6, л. 7 об.]. Интересно свидетельство кинешемского учителя В. М. Тонкова: «Мне припоминается случай посещения епископом одной городской школы, причем я был очарован его опытом, тактом и умением зажигать огнем сердца детей. Я (...) не оправдываю совсем за резкость характера и епископа Севастиана, но ведь он южанин, и здесь естественно сказать, горячей пылкости» [6, л. 9 об.–10]. Сам же владыка Севастиан в апреле 1917 года сообщал обер-прокурору В. Н. Львову: «В отношениях моих к кинешемскому духовенству не может быть речи ни о терроре, ни о требованиях мною от него особенного подчинения себе, так как по существующему порядку в Костромской епархии священники и диаконы города Кинешмы и всей епархии находятся в ведении правящего епископа, а в моем ведении находятся только псаломщики. Правда, посещаю

Кинешму, я заглядывал и на приходские храмы, но опущения, какие я замечал в богослужении и содержании храмов, не требовали мер взыскания, а только лишь указания. Духовенство старалось устранять замеченные мною недостатки» [5, л. 10 об.].

И все же кинешемские клирики и миряне (исключая разве что духовенство Успенского собора города Кинешмы) искренне любили владыку Севастиана и прощали ему природную горячность. Забегая вперед, отметим, что в июне 1917 года – при обсуждении на собраниях духовенства и мирян вопроса о судьбе викариатства – выступавшие единодушно поддержали владыку, при этом подчеркивая в своих выступлениях: изрядная доля вины за случившийся конфликт и его развитие лежит на соборном причте и лично на настоятеле Успенского собора протоиерее Иоанне Альтовском. И. В. Барашков, упомянув о заявлении соборян от 4 мая 1917 года (об этом документе мы скажем далее), говорил: «... раз соборный причт один за целый уезд взял на себя смелость высказать о нежелательности архиерейского служения епископом Севастианом в Кинешме, то весь город, миряне и духовенство, мне думается, имеет большее право ходатайствовать о посещениях его для служения в Кинешме» [6, л. 2об.–3].

Таковы были предпосылки событий, развернувшихся в Кинешме с начала марта 1917 года.

2 марта император Николай II подписал акт об отречении от престола в пользу своего брата Михаила Александровича, а 3 марта великий князь Михаил отказался от восприятия верховной власти – до разрешения Учредительным собранием вопроса об образе правления Россией. 4 марта, в субботу накануне недели Крестопоклонной Великого поста, епископ Севастиан в 2 часа дня приехал в Кинешму. В 5 часов вечера владыка находился дома у И. Г. Тихомирова. О дальнейшем сам епископ впоследствии докладывал обер-прокурору В. Н. Львову: «... пришел ко мне протоиерей И. Альтовский и принес мне летучки с актами отречения Николая II и Михаила Александровича. Текст обращения Михаила Романова к народу русскому дал основание на первых порах и мне и отцу протоиерею Альтовскому заключить, что он отказался вступить на престол в данное время, но не отказался от наследования престола вообще. Мы заключили, что Михаил Романов желает, чтобы Учредительное собрание выработало форму конституции, и тогда вступит на престол. Поэтому решили моления о царе заменить словами «благочестивого государя и великого князя Михаила Александровича», прибавки же к этому «и весь царствующий дом» не делать. Меня и И. Г. Тихомирова, хозяина дома, смущало в формуле моления о М[ихаиле] А[лександровиче] слово «государя», и я, давая распоряжение отцу протоиерею Альтовскому об оповещении духовенства города Кинешмы, формулу моления о М[ихаиле] А[лександровиче] просил изложить так: «о благочестивом великом князе Михаиле Александровиче». Отец протоиерей Альтовский возразил, что не следует изменять старой формулы моления о великом князе М[ихаиле] А[лександровиче]. Он ушел от меня и сделал распоряжение о возобновлении моления за М[ихаила] А[лександровича] без выпуска слова «госу-

даря». 4 марта я служил в кинешемском соборе. За всеобщей возносили моление о М[ихаиле] А[лександровиче] так: «о благоверном государе и великом князе Михаиле Александровиче». Царем или императором его не называли» [5, л. 11].

Видимо, владыка Севастиан просто не знал, что 3 марта в 8 часов вечера в Костроме под председательством епископа Костромского и Галичского Евгения (Бережкова; 1864–1924) состоялось собрание духовенства, в частности постановившее: «... прежнее моление за царя заменить молением “за православных предрержащих власти и христоролюбивое воинство”» [7, с. 87]. Указания же Святейшего Синода по столь важному вопросу последовали лишь в понедельник 6 марта: по епархиям была разослана телеграмма за подписью первенствующего члена Синода митрополита Киевского и Галицкого Владимира о молении «за Богохранимую державу Российскую и за благоверное Временное правительство ея» [8, с. 27]. И хотя уже 5 марта епископ Севастиан распорядился за Божественной литургией в кинешемском соборе прекратить поминовение Михаила Александровича, эту оплошность ему не забыли – равно как и не оставили без внимания проповедь, сказанную владыкой после литургии. С точки зрения новой власти, Кинешемского революционного комитета общественной безопасности (а от кого комитет получил информацию, мы можем лишь предполагать), 4–5 марта в городе происходило следующее (далее мы цитируем текст донесения, посланного кинешемцами в Костромской губернский объединенный комитет общественной безопасности):

«В первые дни народившейся свободы (4–5 марта) Севастьян был в Кинешме и вел себя более чем странно. В субботу 4 марта отдал распоряжение духовенству поминать в церквах императора Михаила, хотя уже прочитал в газетах сообщение об отказе Михаила Романова от наследия. На возражения некоторых приближенных лиц, что такое поминовение неудобно, Севастьян категорически заявил, что он не может мыслить царства без царя. Так на всеобщей 4 марта духовенство и поминало царя Михаила к удивлению молящихся. И только на другой день утром отменил Севастьян это свое распоряжение. В воскресенье 5 марта Севастьян за богослужением произнес странную проповедь, в которой, говоря о кресте, высказал между прочим такую мысль, что революция – это новый крест для России. Ввиду неясности в выражении мыслей это было некоторыми молящимися понято так, что народившаяся свобода народная – не праздник, а крест народный, и возмутило их чувство» [5, л. 13].

Это донесение было послано Кинешемским комитетом в Кострому 18 марта 1917 года как подробное изложение ситуации. Первой же реакцией новых властей на события 4–5 марта стали категорические требования: «Посланы телеграммы в Кострому и Петроград с предложением уволить «на покой» епископа Кинешемского Севастиана, а ему послана телеграмма, чтобы он не появлялся в пределах города Кинешмы, так как его черносотенная агитация с амвона оскорбляет религиозные чувства свободных граждан» [5, л. 22]. Телеграмма, отправленная комитетом в Святейший Синод, гласила: «Епископ Кинешемский Севастиан ведет [с] амвона монархическую

агитацию, просим уволить [на] покой. Революционный комитет» [5, л. 6]. Вечером 11 марта 1917 года обер-прокурор В. Н. Львов направил телеграмму епископу Костромскому и Галичскому Евгению: «Меня уведомили, [что] преосвященный Севастиан ведет агитацию против нового правительства. Благоволите телеграфом сообщить сведения по сему предмету» [5, л. 7]. Обвинение – с учетом царивших тогда настроений – было весьма серьезным, и костромские архиереи не замедлили с ответом. Епископ Севастиан телеграфировал в Синод: «Прошу разрешения представить объяснение и проповедь по поводу доноса на меня со стороны Кинешемского революционного комитета» [5, л. 5]. А владыка Евгений, также телеграммой в Синод, пытался защитить своего викария: «Преосвященный Севастиан предан новому правительству, сообщение об агитации его против считаю недоразумением. Лично беседую с владыкой и убежден в его невинности. Сведений со стороны обвинения никаких ко мне не поступало, хотя я искал их» [5, л. 7(2)].

14 марта 1917 года епископ Севастиан направил обер-прокурору В. Н. Львову печатный текст проповеди, произнесенной им в кинешемском Успенском соборе 5 марта. Этот текст сопровождался отношением, в котором владыка кратко описывал происходившее 4–5 марта и в заключение заверял: «... я никогда политикой не занимался и ни к каким партиям не принадлежал. Новое правительство приветствую и стал на его сторону со времени образования Верховного комитета» [5, л. 9]. Приведем здесь текст проповеди епископа Севастиана в неделю Крестополонную 5 марта 1917 года как любопытный документ своего времени:

«Возлюбленные во Христе братья и сестры!

Сегодня Святая Церковь износит Святой Животворящий Крест Христов для поклонения верующих, для возбуждения в них чувства раскаяния во грехах и веры в искупительные заслуги Его. Крестом закончил земной подвиг жизни Своей Богочеловек Иисус Христос. Крест заповедал Он и нам нести, сказав: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет». Крест несут как отдельные народы, так и целые царства. Вот и наше отечество уже третий год несет тяжелый крест небывалый в истории войны. К ведению этой войны взяты из среды нашей лучшие молодые силы, реквизирован скот, хлеб и многое другое. В это тяжелое для нас время Бог судил нам, братие, при совершившемся внутреннем перевороте в нашем государстве, заняться переустройством своей страны. Сегодня мы празднуем день великой свободы нашей от рабства. Но эта свобода, братие, требует от нас весьма многое на благо нашей родины. Она требует посвящения всего себя, всех душевных сил своих на служение страждущего нашего отечества. Кажется, в это время мы должны особенно мобилизовать себя, свои духовные силы для служения отечеству. Благовременно поэтому, мне кажется, напомнить вам слова святого апостола Павла, сказанные колосским христианам: «Облекитесь, как избранные Божии, святые, возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение» (Кол. 3, 12).

Как «избранные Божии», то есть как православные христиане, мы должны по зову апостола облечься прежде всего в милосердие. Эта добродетель

по своей важности и святости простирает свою власть даже на поля кровавой брани. Она внушает славным победителям великодушно относиться к побежденным: враг перестает быть врагом, когда он лежит сраженным, моля о помощи. От нас уже требуется проявление в отношении к нему христианского милосердия и любви. Но особенно нужно облечься в добродетель милосердия нам, находящимся в тылу. Здесь столько нужды, беды, столько раненых, калек, требующих помощи, ухода, что нужны обширные реки всеобщего милосердия.

Но милосердие к бедствующим всегда является плодом другой добродетели, называемой у святого апостола «благостью». Облекаясь в милосердие, мы должны предварительно облечься в благость, в доброту душевную. Это душевное свойство особенно ценно и редко. Это, собственно, Божеское свойство; потому и сказано в Евангелии: «Никтоже благ, токмо един Бог» (Лк. 18, 19). Но и мы по долгу своего богоуподобления должны облекаться этим Божественным свойством, ибо оно есть основание и источник милосердия.

Третья добродетель, какая требуется от нас апостолом, есть «смиреномудрие». Особенно нужна нам эта добродетель, братие, в настоящее время внутреннегo переустройства нашей страны. Теперь стройка нашего отечества, его благо поставлено пред лицом каждого из нас. Если при существующих с прежнего времени некоторых формах нашей общественной жизни, где требуется самодеятельность, как например в городских самоуправлениях, некоторые лица предпочитали занятия личными делами, предоставляя общественное дело другим, то теперь этого не должно быть. Каждый из нас на своем месте должен приносить посильную помощь отечеству. В совместной же общей государственной работе каждый из нас должен удалить от себя всякую гордость и презрительность и воспитать в себе уважение к другим. Все отношения наши друг к другу должны быть претворены духом кротости и любви.

Помолимся же, братие, в сей раз о том, чтобы Господь Бог благословил оружие нашего воинства к победе, а нашему Временному Верховному правительству послал силы к переустройству нашей родины совместно с нами по тем началам, какие намечены. Аминь» [5, л. 14–15].

Между тем епископ Евгений предпринял решительный шаг. 13 марта он направил обер-прокурору В. Н. Львову отношение, в котором не только продолжил защищать владыку Севастиана от нападков революционного комитета, но и предложил практические меры для урегулирования конфликта, а именно: переименовать викария в епископа Макариево-Унженского, определить местом его постоянного пребывания город Макарьев и поручить его церковному управлению пять восточных уездов Костромской губернии. Таким образом викариатство в Кинешме фактически должно было упраздниться, а административные полномочия епископа Севастиана существенно расширились бы (по сравнению с обычными функциями викария). Ввиду важности этого документа процитируем его полностью:

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

Мне стало известно, что временный комитет общественной безопасно-

сти города Кинешмы послал Вам какую-то жалобу на преосвященного Севастиана, епископа Кинешемского, и в то же время предъявил ему требование не являться в Кинешму и не выезжать из Костромы. От местного Костромского комитета я пока не добился никаких определенных сведений.

Почитаю долгом совести свидетельствовать пред Вами, что епископ Севастиан совершенно лояльный человек, признает новое правительство, никакой агитации в пользу старого режима и правительства не вел и не ведет; историю с жалобой на него решительно не знает, чем объяснить, предполагая лишь злонамеренное перетолкование каких-либо его слов людьми, к нему нерасположенными, каковые в Кинешме несомненно есть (владыка часто ездит в Кинешму с целью служить, не имея в Костроме хора и особого штата для архиерейской службы; но поездки эти некоторыми кинешемцами понимаются как инспектирование их епископом. Кроме того, владыка Севастиан человек прямой и настойчивый, а жители Кинешмы с их фабричным духом слишком чувствительны ко всякому вмешательству епископа в дела даже церковно-общественной жизни их, которые почитаются ими подлежащими исключительно их компетенции).

Я лично ценю преосвященного Севастиана за его усердие в службе, за труды по поездкам по епархии и за его полную готовность всегда в точности исполнить всякое мое поручение. Мне было бы очень жаль, если бы жалоба на преосвященного имела последствием какое-либо тяжелое взыскание с него.

С своей стороны я предложил бы следующий выход, который – думается – удовлетворил бы и недовольных кинешемцев, не обидел бы владыку Севастиана и оказался бы полезным для благоустройства епархиальной жизни, именно: переименовать преосвященного Севастиана из епископа Кинешемского в епископа Макарьево-Унженского, указав ему для жительства город Макарьев и поручив его управлению Макарьевский, Кологривский, Ветлужский, Варнавинский и Юрьевецкий уезды (5 из 13 уездов Костромской епархии) – уезды обширные по территории и удаленные от города Костромы, местопребывания епископов. Для этих уездов город Макарьев является почти топографическим центром.

Если бы этот проект признан был приемлемым, то преосвященного викария следует сделать настоятелем Макарьевского монастыря на место архимандрита, которого можно перевести в Игрицкий монастырь, где ныне настоятельствует преосвященный. Средства для содержания викария оставить старые, то есть настоятельские от монастыря доходы и пособие от других монастырей.

Усердно прошу Ваше высокопревосходительство настоящее мое предположение, клонящееся к защите и устройству судьбы гонимого епископа и к пользе управления епархией, внести на рассмотрение Святейшего Синода.

Оставление епископа Севастиана епископом Кинешемским при сложившихся отношениях к нему признаю неудобным, а перемещение его в Макарьев весьма полезным и разрешающим возникший конфликт» [5, л. 2–2 об.].

Предложение епископа Евгения о переводе епископа Севастиана из Кинешмы в Макарьев – вынужденное обстоятельствами, продиктованное преж-

де всего стремлением «вывести из-под удара» своего викария – все же не было неожиданным. Удаленность восточных уездов от губернского центра создавала определенные проблемы в церковной жизни, а учреждение Макарьевского викариатства с епископом, постоянно пребывающим в Макарьево, могло бы эти проблемы разрешить. Как впоследствии (на собрании 25 июня 1917 года) заявлял протоиерей Иоанн Альтовский, идея открытия кафедры в Макарьево «созрела еще у епископа Виссариона, лелеялась епископом Тихоном и не чужда была епископа Евгения» [6, л. 7 об.]. Но безусловно новаторским выглядело предложение епископа Евгения возложить на макарьевского викария управление церковными делами пяти восточных уездов Костромской губернии. Подобное решение расширило бы полномочия викарного епископа далеко за пределы традиционных. Собственно говоря, такая модель церковного управления реализована на Костромской земле лишь сейчас, спустя век после описываемых событий: в Костромскую митрополию, образованную решением Священного Синода Русской Православной Церкви 27 декабря 2016 года, входит отдельная Галичская епархия, включающая в свой состав 18 районов востока и северо-востока области, а управляющий этой епархией епископ имеет титул Галичский и Макарьевский. Если бы в 1917 году предложение епископа Евгения реализовалось на практике, то был бы создан интересный прецедент, весьма актуальный для обсуждавшихся тогда церковных реформ.

Однако в предложенном владыкой Евгением варианте разрешения кинешемского конфликта имелась и слабая сторона. Дело в том, что настоятель Макариево-Унженского монастыря архимандрит Виссарион (Ильинский), которого планировалось перевести настоятелем в Богородицкий Игрицкий монастырь, был священнослужителем известным и весьма уважаемым именно на востоке Костромской губернии. Двадцать лет, с 1872 по 1892 год, священник Всеволод Ильинский (такое имя будущий архимандрит носил до своего монашеского пострига в ноябре 1911 года) служил в городе Кинешме и Кинешемском уезде, а затем был перемещен на приход в селе Дороватово Ветлужского уезда. Здесь он усердно трудился на церковной ниве и стяжал любовь прихожан – настолько, что когда в июне 1907 года епископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский) попытался переместить отца Всеволода в Кострому, в церковь на Лазаревском кладбище, это распоряжение менее чем через месяц пришлось отменять. В послужном списке архимандрита Виссариона за 1916 год об этом говорилось так: «По просьбам прихожан и своему желанию оставлен в селе Дороватово» [5, л. 47]. И лишь в июне 1910 года владыка Тихон все же смог перевести отца Всеволода на служение в Спаскую церковь, что в Подвязье, города Костромы, назначив его также членом Костромской духовной консистории. Лишившись супруги, отец Всеволод вступил на иноческий путь: в конце 1911 года он – постриженный в монашество с именем Виссарион и возведенный в сан архимандрита – был назначен настоятелем Николо-Бабаевского мужского монастыря, а в сентябре 1913 года возглавил Макариево-Унженскую обитель. Епископ (с февраля 1913 года – архиепископ) Тихон, не скрывавший своего скептического отношения к костромским монашествующим, отца Виссариона, напротив, уважал и це-

нил: в феврале 1912 года архимандрит Виссарион был назначен благочинным епархиальных монастырей (как правило, на такие должности назначались несколько наиболее опытных епархиальных священнослужителей-монахов), а в 1914 году он даже остался единственным таким благочинным – поскольку других подходящих кандидатур, по мнению владыки Тихона, не имелось [9, л. 6 об. – 7]. Таким образом, архимандрит Виссарион вполне мог бы претендовать на викариатство именно в Макарьеве. Епископ Евгений, видимо, сначала не учел данного фактора, и это могло вызвать негативную реакцию части духовенства на перемещение епископа Севастиана в Макарьев. Но в то же время управляющий епархией вовсе не собирался притеснять архимандрита Виссариона; спустя несколько месяцев именно епископ Евгений будет ходатайствовать перед Синодом (но безуспешно) о его хиротонии на ту же Макарьевскую викарную кафедру.

«Дело» владыки Севастиана рассматривалось и на внеочередном экстренном епархиальном съезде духовенства и мирян 19–25 апреля 1917 года (наверное, самом «революционном» событии в Костромской епархии тех месяцев), созванном «для обсуждения вопросов, возникающих в связи с событиями последнего времени в государстве Российском» [10, с. 1]...

Продолжение статьи в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потехина Е. Епископы Кинешемские. Викарии Костромские. Уроки истории. Б.м.: «Издательские решения», б.г.
2. Объявление. От Костромской духовной консистории // КЕВ. – 1905. – 1 августа. – № 15. – Отдел I, часть официальная. – С. 185–186.
3. Епархиальная хроника // КЕВ. – 1905. – 1 ноября. – № 21. – Отдел II, часть неофициальная. – С. 668–671.
4. Журналы съезда духовенства Кинешемского училищного округа // КЕВ. – 1905. – 1 декабря. – № 23. – Отдел I, часть официальная. – С. 324–326.
5. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 204. – Д. 94.
6. Государственный архив Костромской области. – Ф. 130. – Оп. 10. – Д. 346.
7. От исполнительного комитета духовенства города Костромы. Журнал № 1. 4–12 марта 1917 года // КЕВ. – 1917. – 1 апреля. № 7. – Отдел официальный. – С. 86–87.
8. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. – М.: Индрик, 2006.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2645.
10. Журнал № 4 [объединенного собрания духовенства города Костромы 26 марта 1917 года] // КЕВ. – 1917. – 15 апреля. – № 8. – Прибавление к официальной части.

11. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002.
12. Журнал № 9 собрания объединенного духовенства и представителей приходов церквей города Костромы [29 мая 1917 года] // КЕВ. – 1917. – 15 июня. – № 12. Отдел официальный. – С. 192–198.
13. КЦОВ. – 1917. – 22 августа. – № 7. – Отдел официальный.
14. Указ из Святейшего Правительствующего Синода преосвященному Евгению, епископу Костромскому и Галичскому // КЦОВ. – 1917. – 1–8 октября. – № 12–13. – С. 72–73.

*Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
Ferapont (Kashin),*

*Candidate of Theology, Head of the Department of Theological Disciplines
of Kostroma Theological seminary*

**FROM THE HISTORY OF THE KOSTROMA DIOCESE IN 1917:
THE CONFLICT AROUND KINESHEMA VICARIATION
(Part one)**

The article discusses the events of March – September 1917, related to the events of the February coup and their influence on the parish life in the Kostroma province. It describes the actions of representatives of the clergy and laity of the Kineshma vicariate of the Kostroma diocese, in a campaign to eliminate bishop Sevastian from the Vicar Chair of the Kostroma diocese.

The first part of this article discusses the history of the conflict around the Kineshma Vicariate of the Kostroma diocese during the period from March up to April 1917.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Kostroma diocese, Galich diocese, Kineshma vicariate, February Revolution, All-Russian Constituent Assembly, Holy Synod, Igritsky monastery, Makariyevo-Unzhensky monastery, Orthodox clergy, revolutionary committees, diocesan press.*

Citation: *Ferapont (Kashin), Met. Kostroma and Nerekhta. From the history of the Kostroma diocese in 1917: the conflict around Kineshma Vicariate. Part one // Ipatievsky vestnik. – 2020. – № 1. – P. 31–42.*

REFERENCES

1. Potekhina Ye. Yepiskopy Kineshemskkiye. Vikarii Kostromskkiye. Uroki istorii [Bishops of Kineshma. Vicars of Kostroma. The lessons of history]. B.m.: «Izdatel'skiye resheniya», b.g.
2. Ob'yavleniye. Ot Kostromskoy dukhovnoy konsistorii [Announcement. From the Kostroma Spiritual Consistory] // КЕВ. – 1905. – 1 августа. – № 15. – Otdel I, chast' ofitsial'naya. – S. 185–186.
3. Yeparkhial'naya khronika [Diocesan Chronicle] // КЕВ. – 1905. – 1 ноябрия. – № 21. – Otdel II, chast' neofitsial'naya. – S. 668–671.

4. Zhurnaly s"yezda dukhovenstva Kineshenskogo uchilishchnogo okruga [Magazines of the congress of the clergy of the Kinesham school district] // KEV. – 1905. – 1 dekabrya. – № 23. – Otdel I, chast' ofitsial'naya. – S. 324–326.
5. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [The Russian State Historical Archive]. – F. 796. – Op. 204. – D. 94.
6. Gosudarstvenniy arkhiv Kostromskoy oblasti [The state archive of the Kostroma region]. – F. 130. – Op. 10. – D. 346.
7. Ot ispolnitel'nogo komiteta dukhovenstva goroda Kostromy. Zhurnal № 1. 4–12 marta 1917 goda [From the executive committee of the clergy of the city of Kostroma. Journal No. 1. March 4–12, 1917] // KEV. – 1917. – 1 aprelya. – № 7. – Otdel ofitsial'niy. – S. 86–87.
8. Rossiyskoye dukhovenstvo i sverzheniye monarkhii v 1917 godu. (Materialy i arkhivniye dokumenty po istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi) [The Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917. (Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church)] / Sost., avtor predisloviya i kommentariyev M. A. Babkin. – M.: Indrik, 2006.
9. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. – F. 796. – Op. 442. – D. 2645.
10. Zhurnal № 4 [ob"yedinennogo sobraniya dukhovenstva goroda Kostromy 26 marta 1917 goda] [Magazine No. 4 [of the joint meeting of the clergy of the city of Kostroma on March 26, 1917]] // KEV. – 1917. – 15 aprelya. – № 8. Pribavleniye k ofitsial'noy chasti.
11. Firsov S. L. Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890kh – 1918 gg.) [The Russian Church on the eve of change (late 1890s - 1918)]. – M.: Kul'turniy tsentr «Dukhovnaya Biblioteka», 2002.
12. Zhurnal № 9 sobraniya ob"yedinennogo dukhovenstva i predstaviteley prikhozhan tserkvey goroda Kostromy [29 maya 1917 goda] [Journal No. 9 of the meeting of the united clergy and representatives of parishioners of the churches of the city of Kostroma [May 29, 1917]] // KEV. – 1917. – 15 iyunya. – № 12. – Otdel ofitsial'nyy. – S. 192–198.
13. KTSOV. – 1917. – 22 avgusta. – № 7. – Otdel ofitsial'niy.
14. Ukaz iz Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda preosvyashchennomu Yevgeniyu, yepiskopu Kostromskomu i Galichskomu [Decree from the Most Holy Governing Synod to His Grace Eugene, Bishop of Kostroma and Galich] // KTSOV. – 1917. – 1–8 oktyabrya. – № 12–13. – S. 72–73.